
ОБЩЕСТВО В КОНФЛИКТАХ И КОМПРОМИССАХ

Е. А. Мехмадиев

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА КОНСТАНЦИЯ II В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ИМПЕРИИ В 337–350 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА РИМСКО-ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЫ И ПРОБЛЕМА РЕКРУТСКОГО НАБОРА

В 2007 г. М. Сартр опубликовал новую греческую надпись из Сирии, которая была обнаружена на территории плато Хауран, на одном из участков дороги, ведущей от города Шахба к Дамаску¹. Своим содержанием эта надпись не только значительно обновляет наши знания о позднеримской военной организации в данном регионе, но и дает возможность выявить некоторые особенности повседневной жизни тех войсковых гарнизонов, которые несли службу на римско-персидской границе, а также уточнить сам ранг и правовое положение этих гарнизонов.

Ἐκ προστάγματος τοῦ κυρίου μου Φλαυίου Οὐίκτο[ρος τοῦ /
δι]ασημ[οτάτου] δοῦκος οἰκοδομήθη τὸ φρούριον ὑπὲρ ἀσφαλείας τῶν /
διοδευνόντων προνοία Ἀλεξάνδρου (ἐκατοντάρχου) ὠρδ[ιναρίου] / λευ[κῶνος]
γ' Κυρ[ηναικῆς], ἔτι σμ'

По приказу моего господина Флавия Виктора, мужа совершеннейшего, дукса, была построена крепость для безопасности пугников — благодаря предусмотрительности Александра, центуриона-ординария III легиона Киренаики, в год 240 [= 345/346 гг. по христианскому летоисчислению. — Е. М.]

¹ Sartre, M. Un nouveaux dux d'Arabie, in: *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*. 2007. Vol. 60. P. 313.

Поскольку, как мы уже указали в переводе, 240 г. по летоисчислению города Бостра в Сирии соответствовал 345/346 гг., надпись отражает важный, но в то же время малоизученный период позднеримской военной (и не только) истории — середину IV в., 340-е гг., когда Римская империя вела ожесточенное и тяжелое противостояние с персами на ближневосточном фронте. Как известно, еще с конца 330-х гг., а именно с 338/339 гг.² римский император Констанций II, средний сын Константина I Великого, правивший в восточных провинциях империи (Малая Азия и Ближний Восток), вынужден был отбивать постоянные нападения персов, которые пытались прорваться в Месопотамию и захватить несколько важных городов для дальнейшего продвижения в Сирию и Малую Азию.

Соответственно, надпись, опубликованная М. Сартром, дает сведения об одном из войсковых гарнизонов, которые несли службу вдоль всей линии персидского фронта и охраняли вверенные им участки границы от нападений внешних врагов империи. Прежде всего, надпись упоминает войсковое подразделение, которое размещалось в данном регионе — знаменитый III легион Киренаики (*legio III Cyrenaica*), созданный еще в эпоху Римской республики, в конце I в. до н. э. Как видно из текста, этот легион построил некое оборонительное сооружение, которое предназначалось для укрытия и защиты «путников» (судя по всему — торговых караванов) во время их перемещений по территории региона. По мнению М. Сартра, крепость, построенная III легионом Киренаики, в основном выполняла две задачи: она обороняла вверенный ей участок от набегов кочевников (прежде всего арабов) и контролировала местное гражданское население на случай мятежей и восстаний против римской администрации³.

Мы же хотели бы подчеркнуть другой сюжет, отраженный в надписи, — процесс строительства крепости контролировал офицер Александр, служивший в III легионе Киренаики. Он занимал ранг

² Следуем хронологии О. Зеэка, который предположил, что боевые действия с Персией начались зимой 338/339 гг., когда Констанций II вместе со своими войсками вторгся в Месопотамию, где персидская армия уже несколько месяцев безуспешно осаждала город Нисибис: *Seeck, O. Geschichte des Untergangs der Antike Welt. Berlin, 1911. Bd IV. S. 65–66.*

³ *Sartre, M. Un nouveaux dux d'Arabie. P. 317.*

центуриона-ординария — как показал С. Жаньяр, ординариями называли только тех центурионов, которые вели в бой и командовали непосредственно первой линией (шеренгой, рядом) воинов в боевом строю, они, как правило, командовали центуриями, входившими в состав первой когорты⁴. Наблюдения С. Жаньяра позволяют нам предположить, что воины, построившие крепость, входили в состав первой когорты III легиона Киренаики, несли службу в этой когорте, а значит, войсковое подразделение, упоминаемое в надписи, — не весь III легион Киренаики, а только его первая когорта, специально выделенная из легиона. Судя по всему, под воинами, находившимися под командованием центуриона Александра, следует понимать строительный отряд, или вексилляцию, который был выделен из III легиона Киренаики, эта группа воинов направилась в провинцию Арабия (территория плато Хауран, где была обнаружена надпись, в римский период входила в состав провинции Арабия), где они и возвели новую крепость.

Более того, мы полагаем, что строительный отряд, выделенный из III легиона Киренаики, остался в этой крепости в качестве ее постоянного войскового гарнизона, данный отряд дислоцировался в крепости уже на постоянной основе. В одной из своих статей М. Сартр пришел к выводу, что слово *φρούριον*, которое постоянно встречается в строительных надписях из позднеримской Сирии, подразумевало не военный лагерь в собственном смысле слова, т. е. ставку (штаб-квартиру) войскового подразделения, тот или иной военный гарнизон, но крепость, т. е. сам строительный объект, оборонительное сооружение⁵. На наш взгляд, не стоит так жестко разделять и разграничивать функции крепостей, защищавших сирийский лимес от нападений персов и арабов — совершенно очевидно, что любое оборонительное сооружение должно было включать в себя и людской состав, собственно, тот гарнизон, который дислоцировался в крепости и нес там военную службу.

⁴ Janniard, S. Centuriones ordinarii et ducenarii dans l'armée romaine tardive (IIIe–VIe s. apr. J.-C.), in: *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A. S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 386–389.

⁵ Sartre, M. L'armée romaine et la défense de la Syrie du Sud. Questions de méthode et nouveau document, in: *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. P. 269.

Соответственно, мы сталкиваемся с необычным фактом — военная крепость была сооружена в самый разгар боевых действий с персами, поскольку, как убедительно доказали В. Портман и К. Мозиг-Вальбург, крупнейшее сражение римско-персидской войны 340-х гг., битва при Сингаре, произошло летом 344 г.⁶, т. е. примерно в тот же период, когда была воздвигнута крепость. Римский историк Фест, живший в IV в., отметил в своем «Бревиарии», что «Констанций провел войну против персов с разным и более тяжелым исходом. Помимо легких столкновений между теми, кто несет охрану на границе, девять раз было проведено более тяжелое сражение, семь раз — благодаря его командующим, и два раза он присутствовал лично» (Festus, Braev. 27. 1)⁷.

Э. Винтер и Б. Дигнас отметили, что упоминание лимеса (границы) в этом пассаже подразумевает наличие на данном участке персидского фронта укрепленных оборонительных сооружений, которые, по мнению исследователей, были построены еще в эпоху Диоклетиана (284–305 гг.) и с того времени выполняли эффективную защиту от персидских нападений — именно благодаря наличию данных крепостей персы так и не смогли получить реальный перевес сил в свою пользу, им так и не удалось захватить Месопотамию⁸.

Мы полагаем, что позиция Э. Винтера и Б. Дигнас нуждается в нескольких корректировках — прежде всего, как видим, строительство и возведение новых крепостей велось в регионе даже непосредственно в период самих боевых действий, поэтому крайне сложно приписать задачу обороны Сирии и Месопотамии крепостям только одной эпохи, более того, археологические раскопки и обобщающее исследование М. Конрад показали, что Диоклетиан лишь начал процесс обширного строительства и реставрации сирийского участка границы, возведение новых крепостей продолжалось здесь

⁶ Portmann, W. Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara, in: *BZ*. 1989. Bd 82/1. S. 2–3, 11–12, 13; Mosig-Walburg, K. Zur Schlacht bei Singara, in: *Historia*. 1999. Bd 48/3. S. 334, 377.

⁷ Constantius in Persas vario et magis difficili pugnavit eventum. Praeter leves excubantium in limite congressiones acriori Marte noviens decertatum est, per duces suos septiens, ipse praesens bis adfuit.

⁸ Winter, E., Dignas, B. Rom und das Perserreich: Zwei Weltmächte zwischen Konfrontation und Koexistenz. Berlin, 2001. S. 107.

вплоть до середины IV в. По мнению М. Конрад, в новых крепостях размещались либо небольшие отряды всадников, на вербованные из местных кочевых племен, либо вексилляции — войсковые подразделения, выделенные из старых пограничных легионов, в задачи данных гарнизонов входили патрулирование дорог, по которым проходили торговые караваны, охрана резервуаров с водой и защита окрестного сельского населения от вражеских набегов⁹.

Как видим, надпись, опубликованная М. Сартром, подтверждает позицию М. Конрад — действительно, группа воинов, построивших крепость под командованием центуриона Александра, представляла собой строительный отряд, выделенный из III легиона Киренаики, т. е. легионную вексилляцию, и эта вексилляция, судя по всему, осталась в новой крепости в качестве ее постоянного гарнизона. Следовательно, под фразой Феста *Praeter levis excubantium in limite congressiones* («Помимо легких столкновений между теми, кто несет охрану на границе») можно понимать как старые римские крепости, воздвигнутые в период Диоклетиана, так и более новые, построенные в период Константина I и самого Констанция II. Однако встает другой вопрос: почему римская администрация дробила уже существующие легионы на более мелкие соединения (вексилляции), чтобы пополнить ими новые оборонительные сооружения, была ли такая практика эффективной для защиты римского ближневосточного лимеса?

Судя по всему, причиной подобных мер была тяжелая ситуация с комплектованием и рекрутским набором в армию, сложившаяся в данном регионе как раз в самый разгар боевых действий. Местная военная администрация (и особенно в Месопотамии, на которую обрушилась вся тяжесть персидского вторжения) испытывала серьезные проблемы с пополнением войсковых гарнизонов новыми рекрутами, кадровый состав гарнизонов страдал от постоянного дезертирства. Об этой проблеме свидетельствует целый ряд законов, изданных Констанцием II во второй половине 340-х гг., т. е. во время наиболее активной фазы противостояния с персами.

⁹ Konrad, M. 1) Resafa V. Der spätrömische limes in Syrien: Archäologische untersuchungen an den Grenzkastellen von Sura, Tetrapyrgium, Chelle und in Resafa. Mainz, 2001. S. 97–99, 104–105, 107, 112; 2) Research on the Roman and early Byzantine Frontier in North Syria, in: *JRA*. 1999. Vol. 12. P. 408.

Закон Констанция II, изданный 2 февраля 349 г., предписывает дуксу Месопотамии Антонию (*Antonio duci Mesopotamiae*) жестко следить за тем, чтобы сыновья ветеранов или других воинов служили в армии, Констанций II запрещает им самовольно покидать военную службу и в то же время приказывает возвращать на гражданскую службу тех чиновников, которые оставили свой пост и поступили в армию («мы приказываем удерживать (в армии) сыновей ветеранов или воинов, а прочих, о которых ты узнаешь, пусть твоя строгость без промедления возвращает на их собственные должности» (СГh. VIII. 4. 4)¹⁰.

Интересно, что закон фактически ставит гражданские административные службы под контроль дукса, военного чиновника. Единственный гражданский чиновник, упомянутый в законе, — это викарий, т. е. глава диоцеза, совокупности нескольких провинций, и по совместительству заместитель (представитель) регионального префекта претория в пределах своего диоцеза (*Iuxta suggestionem vicarii Mesopotamiae* — «Согласно докладу викария Месопотамии»)¹¹.

¹⁰... iubemus, ut retentis his qui veteranorum seu militum filii esse noscuntur ceteros gravitas tua officiis propriis restituere non moretur.

¹¹ В трактовке должности викария мы исходили из исследований К. Нетлихса и М. Арнхейма, которые, в свою очередь, основывались на данных официального законодательства и сведениях Кледония, латиноязычного учителя грамматики, жившего в Константинополе в VI в. и написавшего учебник *Ars grammatica* («Искусство грамматики»). Т. Арнхейм полагал, что изначально викарии были именно заместителями, т. е. представителями префекта в диоцезах, они действовали от его имени и выполняли функции управления в рамках определенной территории, поскольку префект претория в основном находился при дворе императора и сопровождал его во всех перемещениях, в силу этого префект физически не мог заниматься вопросами управления в пределах той или иной территории. К. Нетлихс отметил, что функции прямого (при этом равноправного) замещения, когда викарий был не просто подчиненным префекта, а именно заместителем, т. е. занимал равные с префектом позиции, представлял в диоцезе не только префекта, но и саму префектуру как высшую гражданскую власть, в основном характерны для периода Диоклетиана, начиная же с эпохи Константина викарии становятся просто подчиненными префекта, возглавляют определенные территории и закрепляются за ними, происходит постепенная регионализация префектов уже без функций прямого замещения. См.: *Arnheim, M. T. W. Vicars in the Later Roman Empire*, in: *Historia*. 1970. Bd 19/5. P. 594–595, 597, 603; *Noethlichs, K. L. Zur Entstehung der Diözesen als Mittelinstanz des spätrömischen Verwal-*

Это значит, что собственно Месопотамию в 349 г. возглавлял именно дукс, должность гражданского наместника, очевидно, была временно упразднена, а ее функции переданы дуксу для более эффективного контроля над комплектованием и продовольственным снабжением армии. Подобная ситуация определенно была вызвана тяжелым положением в области комплектования армии ввиду обострившегося противостояния с персами после лета 344 г., когда произошла битва при Сингаре (она развернулась на территории между рекой Хабур в Сирии и горным массивом Джебель Синджар на северо-востоке современного Ирака, рядом с городом Синджар ближе к сирийско-иракской границе, в целом возможна локализация битвы вплоть до Мосула в том же Ираке)¹². Как известно, эта битва закончилась неудачно для римлян, римское войско потерпело поражение, поэтому ситуация после 344 г. значительно ухудшилась и потребовала пополнения местных гарнизонов новыми свежими силами.

Закон позволяет предположить, что местная военная администрация в лице дукса Месопотамии столкнулась с обширным дезертирством молодых воинов-рекрутов, которые не желали служить в армии и покидали свои оборонительные пункты (крепости) непосредственно в период военных действий. Как римские власти пытались решить эту проблему и исправить сложившуюся ситуацию? Как отметил П. Бреннен, в IV в. римская армия в значительной мере пополнялась за счет населения пограничных регионов и семей самих воинов, когда сыновья ветеранов поступали на военную службу¹³, тем самым обеспечивая бесперебойное пополнение легионов и других войсковых подразделений, в которых несли службу их отцы. Традиции наследственной военной службы действительно позволяли быстро и непрерывно передавать ценный опыт боевой службы, обеспечивали органичную преемственность военных кадров, поскольку сыновья ветеранов в обязательном порядке зачислялись в те же войсковые подразделения, где ранее служили их отцы.

tungssysteme, in: *Historia*. 1982. Bd 31/1. S. 74–75, 79.

¹² Следуют позиции К. Мозиг-Вальбург: *Mosig-Walburg, K. Zur Schlacht bei Singara*. S. 368, 372–373.

¹³ *Brennan, P. The Last of the Romans: Roman identity and the Roman army in the late Roman Near East*, in: *Mediterranean Archeology*. 1998. Vol. 11. P. 194, 199.

Как видим, закон 349 г., цитированный выше, подтверждает, что Констанций II активно и интенсивно применял этот метод рекрутирования, Констанций II продолжал пополнять армию за счет сыновей ветеранов, другой вопрос, что из-за обострения ситуации на римско-персидской границе изменились границы применения наследственной воинской службы — закон 349 г. распространяет данную службу не только на сыновей ветеранов, т. е. воинов, уже завершивших свою службу и вышедших в почетную отставку, но и на сыновей тех воинов, которые выполняли активную военную службу и входили в состав действующих войсковых подразделений.

Еще в 343 г., т. е. буквально за год до битвы при Сингаре, ухудшившей положение на персидском фронте, Констанций II требовал выполнения обязательной наследственной службы только от сыновей ветеранов, об этом свидетельствует закон, изданный 27 июня 343 г.: «Вновь изданным законом мы предписываем, чтобы сыновья ветеранов, если после 16 лет они не смогут принять на себя бремя военной службы или окажутся непригодными для того, чтобы носить оружие, пусть будут переданы в курии» (СTh. XII. 1. 35)¹⁴. Как видно из текста закона, сыновья ветеранов освобождались от военной службы только в том случае, если по своим физическим данным они не могли выполнять военную службу, при этом закон позволяет сделать вывод, что сыновья ветеранов зачислялись в армию даже с 16 лет.

Но еще раз подчеркнем — в этом законе упоминаются только сыновья ветеранов, в то время как уже через 6 лет, в 349 г., Констанций II распространил обязательную наследственную службу и на сыновей всех других воинов, которые еще не вышли в почетную отставку. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на важный эпиграфический документ — греческую надпись из Арабии, датированную 350 г., которая упоминает римского офицера Урса, этот офицер служил в вексиляции, размещавшейся в крепости Мота (*Motha*) или Мотана:

Α. Οὐρσος ἀκτονάρις οὐξιλλατιῶνος Μοθανῶν τῷ μηνῆμα οικοδομήσας
ἐκ θημελίων ἐ[τ]οὺς σμε', μηνὶ Ἰουνίου κυ'. Ἐντάδῃ κίτε Οὐρσος βίορχος (sic)
πατήρ τοῦ ὑποτεταγμένου Οὐρσου

¹⁴ Iterata lege sancimus, ut veteranorum filii, si post sedecim annos militiae munus subire non possint vel armis gestandis habiles non existant, curiis mancipentur.

Л. Урс, актуарий вексиляции Мотаны, соорудил памятник на (свои) средства, в год 245 (= 350 г. по христианскому летоисчислению. — *Е. М.*), в месяц июнь, 23 числа. Здесь покоится биарх Урс, отец подчиненного Урса¹⁵

Эта надпись уникальна, поскольку, как видно из текста, сын биарха Урса, Урс-младший, поступил на службу в вексиляцию еще тогда, когда был жив его отец, об этом говорит слово ὑποτάχμενος, «подчиненный» — очевидно, актуарий (чиновник, ответственный за продовольственное снабжение воинов) Урс подчинился биарху (одна из командных должностей в позднеримской армии) и одновременно своему отцу Урсу, служил под его началом. На наш взгляд, данная надпись еще раз подтверждает, что после 344 г. Констанций II изменил принцип действия наследственной воинской службы в тех регионах, которые были затронуты или которым угрожало персидское вторжение — теперь в регулярные войсковые подразделения зачислялись не только сыновья ветеранов, но и сыновья воинов (офицеров) действующей (активной) службы, что, конечно же, позволяло намного быстрее передать военный опыт и обучить молодой рекрутский состав в тех тяжелых условиях, когда времени на длительную строевую подготовку, очевидно, просто не хватало.

Мы можем предположить, что Констанций активно пополнял различные войсковые гарнизоны (как отряды всадников, так и легионные вексиляции) за счет сыновей ветеранов и воинов активной службы, соответственно, содержание надписи, которую опубликовал М. Сартр, следует поместить в этот контекст, а именно: вексиляция, которая была выделена из III легиона Киренаики, очевидно, сначала пополнилась новыми рекрутами благодаря механизму наследственной военной службы, а затем отправилась в Аравию строить там новую крепость. При этом кадровый состав данной вексиляции, конечно же, должен был включать в себя и более зрелых по возрасту офицеров, прошедших ценный опыт боевой службы — такие офицеры обучали молодых рекрутов и командовали войсковым подразделением, как в случае с центурионом Александром или биархом Урсом.

¹⁵ *Wadd.* No. 2037. l. 1–3. P. 481. Надпись переиздана в каталоге: *Brünnow, R. E., Domaszewski, A. von.* Die Provincia Arabia. Strassburg, 1909. Bd III. S. 337.

Но эпиграфические материалы из Арабии и Сирии позволяют выделить еще один аспект военной службы в этих регионах — ветераны, которые выходили в отставку, определенно привлекались местной администрацией к финансированию строительства пограничных укреплений, выполняли ряд общественных повинностей. Надпись из Арабии, опубликованная в отчетах Принстонской археологической экспедиции в Сирии, четко подтверждает наш вывод:

Ἀγαθὴ Τύχη. Εὐ<χ>τυχῶς ἐκοδομήθη ὁ πύργος. Βάσσης ἀντρνὸς ἐξ ὀρδεναρῖω σ(τ)ρατιόμενος ἐμ Μεσοποταμίας. Ὀράνιος οἰκοδό[μος]. Ἀνελ(ῶ) θ(η) μύρια δην(άρια) εἴ χίλι(ά)δες. Ἦτους σμεῖ

«В добрый час! Была благополучно сооружена башня. Басс, ветеран, бывший ординарий, отслужил в Месопотамии. Ураний (был) строителем. Было потрачено 15 000 денариев. В год 245 [= 350 г. по христианскому летоисчислению. — Е. М.]¹⁶

Авторы-составители каталога PPUAES IIIA предположили, что ветеран Басс занимал должность центуриона-ординария, т. е. командующего центурией — группой из 100 воинов¹⁷, и воевал в Месопотамии против персов, с которыми в 350 г. римляне заключили временное перемирие¹⁸. Мы полагаем, что ветеран Басс потратил на строительство оборонительной башни свои собственные деньги, и крайне маловероятно, что Басс сделал это добровольно — на наш взгляд, ветераны должны были финансировать возведение оборонительных сооружений в рамках государственной повинности, государство возлагало на них эту обязанность.

¹⁶ PPUAES IIIA. P. 2. No. 177. P. 104. Надпись также была перепечатана в каталоге Р. Брюннова и А. фон Домашевского: *Brünnow, R. E., Domaszewski, A., von. Die Provincia Arabia. Bd. III. S. 337.*

¹⁷ См. подборку ссылок на источники: *Oxford Latin Dictionary / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968. P. 299, sv. centuria.* В целом следует учесть и позицию Дж. Ри, который полагает, что ординариями в первую очередь называли именно легионных центурионов, которые вели в бой ряды воинов (*ordines*) своего легиона. См.: *Rea, J. R. Ordinatus, in: ZPE. 1980. Bd 38. P. 217.*

¹⁸ *Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905 and 1909. Division III. Greek and Latin Inscriptions in Syria. Section A. Southern Syria. Part 2 / Ed. by E. Littmann. Leyden, 1910. P. 104.*

Можно предположить, что Басс служил в одном из пограничных легионов¹⁹, не исключено, что он принадлежал к кадровому составу III легиона Киренаики, поскольку, судя по данным эпиграфики, штаб-квартира этого легиона находилась именно в Месопотамии, а значит, вексиляция III легиона Киренаики, построившая крепость в Арабии, прибыла в Арабию как раз из Месопотамии. О местонахождении штаб-квартиры III легиона Киренаики свидетельствует надгробная надпись из Арабии (Бостра), опубликованная в каталоге IGLSyг XIII. 1. Цитируем надпись по этому изданию:²⁰

Φλ(αούιος) Μάξι/μος στρ(ατιώτης) / λεγ(ιῶνος) γ' Κ/υρ(ηναϊκῆς)

στρα/τευσάμ/ενος ἔ/τη κγ' ἀπο/θανών [ἐ]/ν Μεσοπ/[οταμί]α, [ο]ῦ τᾶ
ὀ[σ]/τᾶ ἐν[θ]άδε κ/[ῖτ]ε . . . / Ἐτι σε'

Флавий Максим, воин III легиона Киренаики, отслужил 23 года, умер в Месопотамии, где теперь покоятся его кости . . . Год 215

Поскольку 215-й год по летоисчислению города Бостра в Сирии соответствует 320/321 гг. (IGLSyг XIII. 1, no. 9396, p. 333), мы можем подсчитать, что Флавий Максим был зачислен на службу в 297/298 гг., и совершенно очевидно, что его служба проходила на территории Месопотамии. Следовательно, с 297/298 гг. III легион Киренаики размещался на территории Месопотамии, а это значит, что данный легион прибыл в Месопотамию в результате военных мероприятий и реорганизаций на ближневосточном лимесе, проведенных императором Диоклетианом.

Дело в том, что, как установил Т. Барнс, весной 298 г. римские войска под командованием Цезаря Галерия одержали решительную победу над персидской армией и выбили ее с территории Великой Армении и Месопотамии, в результате в 299 г. был заключен мирный договор, по условиям которого Великая Армения восстановила

¹⁹ Предположение М. П. Шпайделя о том, что Басс служил в полевой (экспедиционной) армии (*very likely of the field army*), остается только гипотезой, поскольку исследователь не представил никаких доказательств в пользу своего тезиса: *Speidel, M. P. The Roman Army in Arabia*, in: *ANRW*. II. Berlin; New York, 1977. Bd 8. P. 722.

²⁰ IGLSyг XIII. 1. No. 9396. P. 332.

свою независимость (персы контролировали ее с 252 г.), а Месопотамия перешла под власть римлян²¹. Фест в своем «Бревиарии» предельно четко утверждает, что в результате победы Цезаря Галерия и мирного договора персы «вернули назад Месопотамию и земли, (находящиеся) за Тигром» (*Mesopotamiam cum Transtigritanis regionibus reddiderunt* (Festus, Brev. 25. 3)).

Следовательно, не вызывает удивления тот факт, что после разгрома персов Диоклетиан (или Цезарь Галерий по его приказу) разместил во вновь присоединенной Месопотамии несколько войсковых подразделений, среди которых был и III легион Киренаики. Дело в том, что в историографии доминирует точка зрения, что территориально Месопотамия не вошла в состав Римской империи, в административном плане она так и не стала римской провинцией, поскольку этот регион состоял из автономных областей, населенных армянами и находившихся под управлением собственных вождей — так называемых нахараров, греко-латинские источники называли эти территории сатрапиями.

В 1993 г. Э. Хрисос предположил, что в 298 г. римляне получили от персов только политическую власть над сатрапиями, т. е. право покровительства и патроната, без права территориальной юрисдикции, другими словами, в трактовке Э. Хрисоса Месопотамия так и не вошла в состав Римской империи, продолжая

²¹ Barnes, T. D. Imperial Campaigns, A. D. 285–311, in: *Phoenix*. 1976. Vol. 30/2. P. 182–183, 185–186. Из исследователей-востоковедов (иранистов) хронологию Т. Барнса поддерживают Э. Винтер и Б. Дигнас: Winter, E., Dignas, B. Rom und das Perserreich. S. 101–102. Существует и другая точка зрения, ее придерживаются Ф. Кольб, К. Цукерман и К. Мозиг-Вальбург, согласно их позиции, Галерий разгромил персов весной/летом 297 г., а весной 298 г. заключил мирный договор с империей Сасанидов. См.: Kolb, F. 1) Zu chronologischen Problemen der Ersten Tetrarchie, in: *Eos*. 1988. Vol. 76/1. S. 116, 121, 123–124; 2) Chronologie und Ideologie der Tetrarchie, in: *Antiquité Tardive*. 1995. Vol. 3. S. 24–26; Mosig-Walburg, K. Römer und Perser vom 3. Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr. Gutenberg, 2009. S. 103; Zuckerman, C. Les campagnes des Tétrarques, 296–298. Notes de chronologie, in: *Antiquité Tardive*. 1994. Vol. 2. P. 70. По целому ряду критериев мы не согласны с позицией Ф. Кольба, К. Мозиг-Вальбург и К. Цукермана, к сожалению, объем статьи не позволяет представить весь набор аргументов, опровергающих их позицию, поэтому пока мы просто ограничимся констатацией того факта, что точка зрения Т. Барнса представляется нам более убедительной.

оставаться рыхлым конгломератом полунезависимых княжеств²². В 2009 г. К. Мозиг-Вальбург в равной мере подчеркнула, что нахарары областей, расположенных слева от реки Тигр, территориально входили в состав Персидской империи, тяготели к державе Сасанидов и не собирались отказываться от своих внешнеполитических и даже матримониальных связей с персами²³. В 2001 г. Э. Винтер и Б. Дигнас предложили более компромиссную трактовку: по их мнению, армянские сатрапии не вошли в состав Рима в качестве новых провинций, они продолжали находиться под властью своей родовой аристократии (нахараров) и в административном плане оставались независимыми государствами, но эти сатрапии отчитывались перед Римом в вопросах внешней политики, были его сателлитами, сам же Диоклетиан, по мнению Э. Винтера и Б. Дигнаса, не планировал включать сатрапии в состав империи и менять сложившиеся в этих регионах структуры управления, он скорее рассчитывал на лояльность местного армянского населения²⁴.

Но стоит ли преувеличивать степень автономии или даже независимости армянских сатрапий? Мы полагаем, что цитированная выше надпись из Бостры, упоминающая III легион Киренаики, как раз наоборот, доказывает, что римляне контролировали территорию Месопотамии не только в политическом, но и в административном смысле, т. е. армянские сатрапии прямо вошли в состав Римской империи, образовав новую провинцию — Месопотамию. Напомним, III легион Киренаики — регулярное войсковое подразделение, соответственно, его размещение на определенной территории могло быть связано только с тем, что эта территория находилась под прямым административным контролем римлян. Крайне сложно поверить в то, что, завоевав новую территорию, выгодную в стратегическом плане, Диоклетиан мог оставить ее без защиты — на случай возможных попыток реванша со стороны персов римский император должен был разместить во вновь приобретенной провинции регулярные военные гарнизоны.

²² *Chrysos, E.* Räumung und Aufgabe von Reichsterritorien von 363, in: *Bj.* 1993. Bd 193. S. 175.

²³ *Mosig-Walburg, K.* Römer und Perser vom 3. Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr. S. 128, 133.

²⁴ *Winter, E., Dignas, B.* Rom und das Perserreich. S. 151.

Более того, цитированный выше закон СTh. VIII. 4. 4 от 2 февраля 349 г., направленный на имя дукса Месопотамии, еще раз четко подтверждает, что Месопотамия находилась под управлением римских военных чиновников, местная армянская знать находилась под прямым римским военно-политическим контролем.

Следовательно, возвращаясь к надписи из каталога материалов Принстонской археологической экспедиции²⁵, подчеркнем, что ветеран Басс, служивший в Месопотамии ($\sigma(\tau)\rho\alpha\tau\acute{\iota}\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \epsilon\mu \text{Μεσοποταμίας}$), определенно принадлежал к кадровому составу III легиона Киренаики и служил именно в этом легионе. А это, в свою очередь, позволяет заключить, что в период резкого обострения римско-персидского противостояния государство поспешило возложить на ветеранов III легиона Киренаики, живших, очевидно, поблизости от военных лагерей и гарнизонов, бремя финансовых повинностей, другими словами, местная администрация теперь предписывала ветеранам финансировать строительство новых или реставрацию старых крепостей на свои собственные средства, тем самым государство пыталось решить проблему поддержания обороноспособности данного участка границы за счет ветеранов и, очевидно, местного гражданского населения.

Тем не менее можно предположить, что строительство башни в 350 г. было временной повинностью, которую государство в экстренном порядке возложило на ветеранов в связи с вторжением персов в Месопотамию, очевидно, подобная повинность не была постоянным методом государственной финансовой политики. Судя по всему, в случае необходимости государство требовало у ветеранов, чтобы они построили на свои средства какое-либо оборонительное сооружение.

Следовательно, на примере рассмотренных эпиграфических и нарративных источников мы видим, что к 350 г. в Сирии и Месопотамии существовала целая сеть военных гарнизонов, в которых несли службу либо отряды конницы, либо легионные вексиляции, при этом мы совершенно не исключаем, что местная администрация активно выделяла вексиляции и из других легионов, которые со времен Принципата дислоцировались

²⁵ PPUAES IIIA. Part 2. No. 177. P. 104.

на территории римского Ближнего Востока (VI Железный легион, X Легион из пролива, III Галльский, IV Скифский), другой вопрос, что имеющиеся на сегодняшний день эпиграфические данные донесли до нас сведения только о III легионе Киренаики. Легионные вексиляции, как показывает пример III легиона Киренаики, первоначально, до отправки в тот или иной войсковой пункт, пополнялись новыми рекрутами, а затем эти вексиляции перемещались из штаб-квартиры своего «материнского» легиона в другой регион, чтобы построить там новое или отреставрировать старое оборонительное сооружение, работами этих воинов руководили опытные офицеры в ранге не ниже центуриона, более того, государство возлагало на ветеранов того или иного легиона и местное гражданское население обязанность финансировать строительство крепостей за свой счет.

Тем не менее, несмотря на проблемы с дезертирством, заставившие местную администрацию и центральную власть ужесточить условия наследственной военной службы, распространить ее не только на сыновей ветеранов, но и на сыновей воинов активной службы, мы можем сказать, что в целом система оборонительных сооружений действовала вполне эффективно и не позволила персам захватить земли Месопотамии в 340-е гг.

Проблема лимеса Сирии и Месопотамии в 340-е гг. органично затрагивает и более широкую проблему — организацию и структуру всего ближневосточного лимеса Римской империи в IV в. Впервые наиболее системно и последовательно эта проблема была рассмотрена в обобщающей работе Э. Люттвака, который предложил концепцию *defence-in-depth* («защита в глубину»), подразумевая под данным термином двухуровневую систему обороны ближневосточных регионов. По мнению Э. Люттвака, первый, внешний уровень обороны составляли алы, когорты и легионы, располагавшиеся на ближневосточной границе, они несли службу вдоль всей линии границы, по всему ее протяжению, и эти подразделения первыми встречали удар врага. Они должны были сдерживать вражескую армию до прихода основных римских сил — экспедиционных армий, которые составляли второй уровень обороны. Таким образом, как полагает Э. Люттвак, римляне организовали на Ближнем Востоке разработанную и методично действующую (рационализированную,

rationalized) систему эшелонирования войск, когда войсковые подразделения располагались последовательно друг за другом вглубь провинции, они выстраивались в две линии обороны от внешних границ провинции к ее внутренним землям, экспедиционные войска дислоцировались как раз во внутренних землях провинций. Э. Люттвак отмечает, что внешние гарнизоны защищали свой регион до подхода экспедиционных войсковых соединений, последние же должны были поддерживать и усиливать внешние гарнизоны, действовать с ними согласованно²⁶.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. точка зрения Э. Люттвака была подвергнута решительной критике со стороны Б. Исаака, который пришел к выводу, что такой рационализированной, двухуровневой системы защиты в Римской империи IV в. никогда не было, более того, по мнению исследователя, слово *limes* («граница»), постоянно встречающееся в источниках по IV в., обозначало не линию последовательно выстроенных друг за другом крепостей и других оборонительных сооружений, а только сам регион, где находились эти крепости, по большей части — целую сеть дорог, связывавших крепости и покрывавших всю территорию региона, регионы же, где размещались фортификации, подчинялись офицерам в должности дукса. В понимании Б. Исаака крепости могли быть разбросаны по всей территории провинции, не обязательно только на ее внешних рубежах, основной задачей таких сооружений были защита водных ресурсов и контроль за перемещениями кочевников, а также поддержание дорог в работоспособном состоянии. Б. Исаак отрицает возможность того, что крепости ближневосточного лимеса серьезно сдерживали натиск персов, сами крепости широко различались между собой по типу строения и видам применения, в их возведении и функционировании не было никакого единообразия, многие оборонительные сооружения в различные периоды выполняли гражданские функции, превращались в объекты гражданского назначения. По мнению Б. Исаака, в целом невозможно проследить и точно установить, когда крепости однозначно выполняли только военные задачи, а когда подчинялись гражданской администрации, подобная динамика

²⁶ Luttwak, E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A.D. to the Third. Baltimore/London, 1976. P. 155, 161.

была очень подвижной и изменчивой, что не позволяет говорить о сложившейся и четко фиксированной системе военной границы²⁷.

В свою очередь, уже в конце 1990-х гг. позиция Б. Исаака сама была подвергнута критике и полностью пересмотрена К. Цукерманом, который выступил в поддержку теории Э. Люттвака — К. Цукерман привлек множество нарративных и публицистических источников, которые, по его мнению, свидетельствуют, что термин *limes* подразумевал именно военную линию обороны, систему эшелонирования войск, при которой войсковые гарнизоны располагались последовательно друг за другом, с определенными интервалами между крепостями, линия этих крепостей как раз и представляла собой фиксированную границу империи, которая отделяла римские земли от владений персов²⁸. Те источники, которые рассмотрел К. Цукерман, в основном повествуют о событиях либо второй половины IV, либо первой трети V в., тем не менее, в связи с нашей темой мы хотели бы обратить внимание на источник, который К. Цукерман оставил без внимания, а этот источник, в свою очередь, не только дополнительно подтверждает позицию К. Цукермана, но и позволяет заключить, что фиксированная римская военная граница в виде последовательно выстроенной линии крепостей сложилась в Месопотамии уже в 350-е гг. и активно функционировала с того времени вплоть до 363 г.

Этот источник — «Жизнь Малха», написанная Иеронимом Стридонским. Малх был сирийским монахом-отшельником, жившим вблизи города Халкида в пустынной местности, Иероним написал его биографию на основании рассказа самого Малха, с которым отец церкви встретился лично. Судя по всему, эта встреча произошла в 373 г., во время пребывания Иеронима в Сирии²⁹. Согласно сведениям Иеронима, Малх родился в городе Нисибис, где его семья владела земельным участком («Сын

²⁷ *Isaac, B.* 1) *The Limits of Empire. The Roman Army in the East.* Oxford, 1992. P. 175–176, 187, 205, 214, 408–409; 2) *The Meaning of the Terms Limes and Limitanei,* in: *JRS.* 1988. Vol. 78. P. 130, 132–137, 140.

²⁸ *Zuckerman, C.* Sur le dispositif frontalier en Arménie, le «limes» et son évolution, sous le Bas-Empire, in: *Historia.* 1998. Bd 47/1. P. 115–118, 121, 123.

²⁹ Следуем хронологии, предложенной Г. Грюцмахером: *Grützmacher, G.* Hieronymus. Eine biographische Studie zur alten Kirchengeschichte. Leipzig, 1901. S. 44.

мой, — говорит он, — я был единственным сыном у родителей и возделывал участок земли в Нисибисе»³⁰.

В юности Малх принял решение стать монахом-отшельником и поселиться в ските, в связи с этим он покинул отчий дом и отправился в пустыню, располагавшуюся к западу от Нисибиса, вблизи города Халкис, по словам Малха, он не смог пойти на восток, «поскольку рядом находились Персия и сторожевые посты римских воинов» (*propter vicinam Persidem, et Romanorum militum custodiam* (Hieronymus. Vita Malchi, 3 — PL. Vol. 23. Col. 56B)). Далее Малх рассказывает о том, как он был захвачен в плен арабами, часто нападавшими на эти места, бежал из плена и вместе с женщиной, которую он, тем не менее, взял в жены, прибыл к римскому военному лагерю (крепости) (*ad Romana per desertum castra venimus* — «через пустыню мы достигли римского лагеря»), который, судя по сведениям Малха, находился под командованием трибуна (*Oblatique tribuno* — «и нас привели к трибуну»), из этого лагеря их доставили уже непосредственно к дуксу Месопотамии Сабяну (*inde transmissi ad Sabianum Mesopotamiae ducem* (Hieronymus. Vita Malchi, 10 — PL. Vol. 23. Col. 62A)).

Каким периодом мы можем датировать этот эпизод? Как утверждает Малх, к востоку от Нисибиса находилась римская граница, следовательно, на тот момент Нисибис входил в состав Римской империи, но, как известно, в 363 г., когда император Юлиан Отступник вместе со своим войском потерпел тяжелое поражение от персов и сам погиб в сражении, персы навязали римлянам договор, по которому они вернули под свою власть Нисибис и часть Месопотамии. Об этом совершенно точно говорит римский историк Фест, по его словам, «римскому государству (что ранее никогда не случилось) были навязаны убыточные условия, чтобы (римляне) передали Нисибис и часть Месопотамии» (Festus, Braev. 29. 2)³¹.

Соответственно, эпизод, изложенный в «Жизни Малха», относится к периоду до 363 г., эти события произошли еще тогда, когда Нисибис находился под контролем римлян, а значит, до 363 г. на территории Месопотамии размещалась целая серия

³⁰ Ego, inquit, mi nate, Nisibeni agelli colonus, solus parentibus fui.

³¹... condicionibus (quod numquam antea accidit) dispendiosis Romanae rei publicae inpositis ut Nisibis et pars Mesopotamiae traderetur.

военных гарнизонов, они формировали укрепленную линию обороны (границу) и тем самым защищали Месопотамию от персидских и арабских вторжений. В этих гарнизонах (крепостях) несли службу пограничные войсковые подразделения, такие как алы, когорты или легионы (точнее — легионные вексилляции). Во всяком случае, совершенно точно можно сказать, что гарнизоны Месопотамии находились под командованием трибунов, граница провинции представляла собой сеть регулярных и связанных друг с другом оборонительных сооружений.

Возвращаясь же к цитированному выше пассажу Феста, где римский историк упоминает о двух видах сражений с персами — легкие столкновения на границе (*leves excubantium in limite congressiones*) и тяжелые, масштабные столкновения двух армий (*acriori Marte*), мы можем заключить, что слова Феста как раз и отражают эту двухуровневую систему обороны, а именно: первый, внешний уровень составляли пограничные гарнизоны (крепости), сдерживавшие натиск противника до подхода войск второго эшелона обороны, экспедиционных армий, которые дислоцировались во внутренних землях Сирии и Месопотамии. Обратим внимание, что Фест упоминает о командующих армии Констанция II, которые семь раз провели тяжелые сражения с персами (*per duces suos septiens*), эти офицеры определенно командовали экспедиционными войсковыми подразделениями, вместе с которыми в Месопотамию прибыл Констанций II.

Следовательно, сведения «Жизни Малха» и Феста в сопоставлении с данными эпиграфики показывают, что даже в условиях интенсивного противостояния с персами в Месопотамии римляне не демонтировали систему военной защиты в этом регионе, эта система продолжала функционировать на основе тех же принципов, что и в эпоху Принципата, она действительно включала в себя создание глубокого эшелонирования войск и размещение первой линии гарнизонов именно на границе провинции. Более того, местная римская администрация поддерживала эту систему рядом важных нововведений в области комплектования армии — войсковые гарнизоны пополнялись теперь не только за счет сыновей ветеранов, но и сыновей воинов, выполнявших активную службу, государство активно размещало в новых фортификациях вексилляции, выделенные из состава легионов и пополненные как раз за счет

обязательной наследственной воинской службы. Ветераны же, т. е. отставные воины, должны были финансировать строительство крепостей, они либо выплачивали государству специальные повинности на содержание, ремонт и возведение крепостей, либо сами непосредственно занимались закупкой и доставкой необходимых материалов.

Таким образом, рассмотренные эпиграфические документы проливают свет на повседневные аспекты военной службы римских пограничных гарнизонов в Месопотамии и в Сирии, они вполне убедительно демонстрируют, что система защиты Месопотамии и соседних регионов от персидских набегов не потеряла свою эффективность к середине IV в., крепости Месопотамии поддерживали обороноспособность империи на персидском фронте и создавали надежный заслон на пути движения персов — благодаря этим крепостям и их гарнизонам Месопотамия оставалась под властью Рима вплоть до 363 г., когда она была возвращена персам, принципиально важно, что персидский царь вернул себе власть над верховьями Тигра и Евфрата не в результате завоевания Месопотамии, которое он так и не смог осуществить, а в результате навязанного римлянам мирного договора. На наш взгляд, ключевую роль в этих процессах как раз и сыграли пограничные гарнизоны Месопотамии и Сирии.

Список условных сокращений

ANRW — *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin; New York: De Gruyter, 1972–.

BJ — *Bonner Jahrbüher*. Bonn, 1842–.

BZ — *Byzantinische Zeitschrift*. München, 1892–.

IGLSyr — *Inscriptions Grecques et latines de la Syrie*. Tome XIII. Fasc. 1. Bostra. N. 9001–9472 / Ed. par M. Sartre. Paris, 1982.

JRA — *Journal of Roman Archaeology*. Portsmouth, 1988–.

JRS — *Journal of Roman Studies*. London, 1911–.

PPUAES IIIA — *Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905 and 1909*. Division III. Greek and Latin Inscriptions in Syria. Section A. Southern Syria. Part 2 / Ed. by E. Littmann. Leyden: Brill, 1910.

Wadd — *Inscriptions Grecques et latines de la Syrie recueillies et expliquées* par W. H. Waddington. Paris, 1870.

ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn, 1967–.

Информация о статье

Мехамадиев, Е. А. Военная политика императора Констанция II в ближневосточных провинциях империи в 337–350 гг.: Организационная структура римско-персидской границы и проблема рекрутского набора, В кн.: *Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2017. Вып. 3 (1). С. 159–183.

Евгений Александрович Мехамадиев, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории Средних веков, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)

e.mehamadiev@spbu.ru

УДК 94(37).08

Статья посвящена малоизученному аспекту позднеримской военной организации в IV в. — системе крепостей и их гарнизонов на территории провинций Сирия и Месопотамия в 340-е гг., т. е. в тот период, когда Римская империя вела ожесточенное противостояние с персами за контроль над верховьями Тигра и Евфрата. Нарративные источники донесли до нас крайне скудные и отрывочные сведения о военных действиях с персами на территории Месопотамии, тем не менее эту лауну в значительной мере могут восполнить эпиграфические материалы. Автор статьи привлек данные эпиграфики, при этом не только старые надписи, давно уже известные исследователям и опубликованные еще в начале XX в. в материалах Принстонской археологической экспедиции в Сирии, но и новые документы, включая надпись, которую в 2007 г. опубликовал М. Сартр. Сопоставив эпиграфические материалы и нарративные источники, автор пришел к выводу, что система защиты Сирии и Месопотамии представляла собой два уровня размещения войск — на внешних рубежах провинций дислоцировались пограничные гарнизоны (крепости), которые сдерживали первый натиск врага, а затем основной удар брали на себя отряды экспедиционной армии, составлявшие второй уровень обороны. На основании сведений эпиграфики автор показал, что гарнизоны Сирии и Месопотамии пополняли свой численный состав благодаря методу обязательной наследственной воинской службы, по условиям которой на службу в армию зачислялись не только сыновья ветеранов, т. е. отставных воинов, но и воинов, находившихся на активной службе. Автор приходит к выводу, что четко выстроенная линия крепостей позволила римлянам сохранить контроль над Месопотамией вплоть до 363 г., когда они были вынуждены вернуть этот регион персам.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, Констанций II, Месопотамия, крепости, центурион, легион, вексилляция, ветераны, рекрутский набор

Information on the article

Mekhamadiev, E. A. Voennaya politika imperatora Konstantsiya II v blizhnevostochnykh provintsiyakh imperii v 337–350 gg.: Organizatsionnaya struktura rimsko-persidskoy granitsy i problema rekrutskogo nabora [The military policy of Emperor Constantius II in the Near East provinces of the Empire in 337–350: The organizational structure of the Roman–Persian border and the problem of recruiting], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2017. Vol. 3 (1). P. 159–183.

Evgeniy Aleksandrovich Mekhamadiev, doctor of History, senior lecturer of Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5)

e.mekhamadiev@spbu.ru

The present paper is dedicated to the little-studied aspect of the 4th century late Roman military organization – to the system of fortresses and their garrisons in the provinces of Syria and Mesopotamia in 340s. It was the period strictly when the Roman empire waged an intensive war with the Persians for control over upper Tigris and Euphrates. The difficulty of the study of this period is caused by few evidence about the Romans' fighting with the Persians within Mesopotamia that contain narrative sources, however, these gaps may be filled by epigraphic data from Syria and Arabia. The author uses the classical epigraphic material, that have been known since the early 20th century thanks to the catalogue of Princeton Archaeological Expedition in Syria, and also a new document, the inscription published by M. Sartre in 2007. Having compared epigraphic data and narrative sources, the author concludes that the defense system of Syria and Mesopotamia was formed as two-level deployment of troops – the frontier garrisons that occupied an external borders of provinces and field mobile armies that posted in internal lands. The frontier garrisons kept an enemy's assault before coming of expeditionary forces that had to repulse an enemy. The author has demonstrated that garrisons of Syria and Mesopotamia were supplemented through mandatory hereditary military service, according to that the staff of garrisons obtained not only the sons of retired soldiers (veterans), but also the sons of soldiers who were at active service. The author summaries that the fixed line of fortresses allowed the Romans to keep control over Mesopotamia until 363 when they were forced to concede Mesopotamia to the Persians.

Key words: late Roman Empire, Constantius II, Mesopotamia, fortresses, centurio, legion, vexillation, veterans, recruiting

Список источников и литературы

Arnheim, M. T. W. Vicars in the Later Roman Empire, in: *Historia*. 1970. Bd 19/5. P. 593–606.

Barnes, T. D. Imperial Campaigns, A.D. 285–311, in: *Phoenix*. 1976. Vol. 30/2. P. 174–193.

Brennan, P. The Last of the Romans: Roman identity and the Roman army in the late Roman Near East, in: *Mediterranean Archeology*. 1998. Vol. 11. P. 191–203.

Brünnow, R. E., Domaszewski, A., von. Die Provincia Arabia. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. Bd III. 403 S.

Chrysos, E. Räumung und Aufgabe von Reichsterritorien von 363, in: *Bj*. 1993. Bd 193. S. 165–202.

Grützmacher, G. Hieronymus. Eine biographische Studie zur alten Kirchengeschichte. Leipzig: Dieterich'sche Verlags-Buchhandlung, 1901. 298 S.

Isaac, B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1992. 510 p.

Isaac, B. The Meaning of the Terms *Limes* and *Limitanei*, in: *JRS*. 1988. Vol. 78. P. 125–147.

Janniard, S. Centuriones ordinarii et ducenarii dans l'armée romaine tardive (IIIe–VIe s. apr. J.-C.), in: *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A. S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 383–393.

Kolb, F. Chronologie und Ideologie der Tetrarchie, in: *Antiquité Tardive*. 1995. Vol. 3. S. 21–31.

Kolb, F. Zu chronologischen Problemen der Ersten Tetrarchie, in: *Eos*. 1988. Vol. 76/1. S. 105–125.

Konrad, M. Resafa V. Der spätrömische limes in Syrien: Archäologische untersuchungen an den Grenzkastellen von Sura, Tetrapyrgium, Chelle und in Resafa. Mainz: Philipp von Zabern, 2001. 158 S.

Konrad, M. Research on the Roman and early Byzantine Frontier in North Syria, in: *JRA*. 1999. Vol. 12. P. 392–410.

Luttwak, E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A.D. to the Third. Baltimore; London: Johns Hopkins, 1976. 255 p.

Mosig-Walburg, K. Römer und Perser vom 3. Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr. Gutenberg: Computus Verlag, 2009. 383 S.

Mosig-Walburg, K. Zur Schlacht bei Singara, in: *Historia*. 1999. Bd 48/3. S. 330–384.

Noethlichs, K. L. Zur Entstehung der Diözesen als Mittelinstanz des spätrömischen Verwaltungssystems, in: *Historia*. 1982. Bd 31/1. S. 70–81.

Oxford Latin Dictionary / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.

Portmann, W. Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara, in: *BZ*. 1989. Bd 82/1. S. 1–18.

Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905 and 1909. Division III. Greek and Latin Inscriptions in Syria. Section A. Southern Syria. Part 2 / Ed. by E. Littmann. Leyden: Brill, 1910. 639 p.

Rea, J. R. *Ordinatus*, in: *ZPE*. 1980. Bd 38. P. 217–219.

Sartre, M. L'armée romaine et la défense de la Syrie du Sud. Questions de méthode et nouveau document, in: *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A. S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 263–274.

Sartre, M. Un nouveaux *dux* d'Arabie, in: *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*. 2007. Vol. 60. P. 313–318.

Seeck, O. *Geschichte des Untergangs der Antike Welt*. Berlin: Franz Siemenroth, 1911. Bd IV. 371 S.

Speidel, M. P. The Roman Army in Arabia, in: *ANRW* / Hrsg. von H. Temporini. II. Berlin; New York: De Gruyter, 1977. Bd 8. P. 687–730.

Winter, E., Dignas, B. *Rom und das Perserreich: Zwei Weltmächte zwischen Konfrontation und Koexistenz*. Berlin: Akademie Verlag, 2001. 334 S.

Zuckerman, C. Les campagnes des Tétrarques, 296–298. Notes de chronologie, in: *Antiquité Tardive*. 1994. Vol. 2. P. 65–70.

Zuckerman, C. Sur le dispositif frontalier en Arménie, le «limes» et son évolution, sous le Bas-Empire, in: *Historia*. 1998. Bd 47/1. P. 108–128.

References

Arnheim, M. T. W. Vicars in the Later Roman Empire, in: *Historia*, 1970. Bd 19/5. P. 593–606.

Barnes, T. D. Imperial Campaigns, A. D. 285–311, in: *Phoenix*, 1976. Vol. 30/2. P. 174–193.

Brennan, P. The Last of the Romans: Roman identity and the Roman army in the late Roman Near East, in: *Mediterranean Archeology*, 1998. Vol. 11. P. 191–203.

Brünnnow, R. E., Domaszewski, A., von. *Die Provincia Arabia*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. Bd III. 403 S.

Chrysos, E. Räumung und Aufgabe von Reichsterritorien von 363, in: *Bj*, 1993. Bd 193. S. 165–202.

Glare, P. G. W. (Ed.) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.

Grützmacher, G. Hieronymus. Eine biographische Studie zur alten Kirchengeschichte. Leipzig: Dieterich'sche Verlags-Buchhandlung, 1901. 298 S.

Isaac, B. *The Limits of Empire. The Roman Army in the East*. Oxford: Clarendon Press, 1992. 510 p.

Isaac, B. The Meaning of the Terms *Limes* and *Limitanei*, in: *JRS*, 1988. Vol. 78. P. 125–147.

Janniard, S. Centuriones ordinarii et ducentarii dans l'armée romaine tardive (IIIe–VIe s. apr. J.-C.), in: Lewin, A. S., Pellegrini, P. (Eds.) *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 383–393.

Kolb, F. Chronologie und Ideologie der Tetrarchie, in: *Antiquité Tardive*, 1995. Vol. 3. S. 21–31.

Kolb, F. Zu chronologischen Problemen der Ersten Tetrarchie, in: *Eos*, 1988. Vol. 76/1. S. 105–125.

Konrad, M. Resafa V. Der spätrömische limes in Syrien: Archäologische untersuchungen an den Grenzkastellen von Sura, Tetrapyrgium, Chelle und in Resafa. Mainz: Philipp von Zabern, 2001. 158 S.

Konrad, M. Research on the Roman and early Byzantine Frontier in North Syria, in: *JRA*, 1999. Vol. 12. P. 392–410.

Littmann, E. (Ed.) Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905 and 1909. Division III. Greek and Latin Inscriptions in Syria. Section A. Southern Syria. Part 2. Leyden: Brill, 1910. 639 p.

Luttwak, E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A.D. to the Third. Baltimore; London: Johns Hopkins, 1976. 255 p.

Mosig-Walburg, K. Römer und Perser vom 3. Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr. Gutenberg: Computus Verlag, 2009. 383 S.

Mosig-Walburg, K. Zur Schlacht bei Singara, in: *Historia*, 1999. Bd 48/3. S. 330–384.

Noethlichs, K. L. Zur Entstehung der Diözesen als Mittelinstanz des spätrömischen Verwaltungssystems, in: *Historia*, 1982. Bd 31/1. S. 70–81.

Portmann, W. Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara, in: *BZ*, 1989. Bd 82/1. S. 1–18.

Rea, J. R. Ordinatus, in: *ZPE*, 1980. Bd 38. P. 217–219.

Sartre, M. L'armée romaine et la defense de la Syrie du Sud. Questions de méthode et nouveau document, in: Lewin, A. S., Pellegrini, P. (Eds.) *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 263–274.

Sartre, M. Un nouveaux dux d'Arabie, in: *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*, 2007. Vol. 60. P. 313–318.

Seeck, O. Geschichte des Untergangs der Antike Welt. Berlin: Franz Siemenroth, 1911. Bd IV. 371 S.

Speidel, M. P. The Roman Army in Arabia, in: Temporini, H. (Ed.) *ANRW*. II. Berlin; New York: De Gruyter, 1977. Bd 8. P. 687–730.

Winter, E., Dignas, B. Rom und das Perserreich: Zwei Weltmächte zwischen Konfrontation und Koexistenz. Berlin: Akademie Verlag, 2001. 334 S.

Zuckerman, C. Les campagnes des Tétrarques, 296–298. Notes de chronologie, in: *Antiquité Tardive*, 1994. Vol. 2. P. 65–70.

Zuckerman, C. Sur le dispositif frontalier en Arménie, le «limes» et son évolution, sous le Bas-Empire, in: *Historia*, 1998. Bd 47/1. P. 108–128.